

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Амелина Анна Вячеславовна

Антиутопия в чешской литературе первой трети XX в.
(И. Гауссманн, Я. Вайсс, М. Майерова)

5.9.2 Литературы народов мира

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2025

Диссертация подготовлена в Отделе истории славянских литератур
ФБГУН «Институт славяноведения РАН»

Научный руководитель — *Адельгейм Ирина Евгеньевна, доктор филологических наук*

Официальные оппоненты — *Козьмина Елена Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры издательского дела департамента «Факультет журналистики» Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»*

Мальцев Леонид Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор Высшей школы коммуникаций и креативных индустрий ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

Паниотова Таисия Сергеевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики Института философии и социально-политических наук ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Защита диссертации состоится «11» декабря 2025 г. в 16 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.059.5 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет, ауд. 970.

E-mail: sovet@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале:
<https://dissovet.msu.ru/dissertation/3609>

Автореферат разослан «___» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Н.К. Полосина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В диссертации исследуется чешская литературная антиутопия первой трети XX в. на материале творчества Иржи Гауссманна (Jiří Haussmann, 1898–1923), Яна Вайсса (Jan Weiss, 1892–1972) и Марии Майеровой (Marie Majerová, 1882–1967). Находя свое воплощение в художественных жанрах, антиутопия всегда была связана с социальной мыслью, поэтому литературную антиутопию, сформировавшуюся как романский жанр в первой трети XX в., мы рассматриваем в диссертации не только в качестве эстетического явления, но и, обобщая научные разработки в области социальной философии¹, по аналогии с утопией, — как отдельный тип сознания (т.е. тип видения человеком окружающего мира), с присущими этому сознанию характерными структурными признаками. Кроме того, в нашей работе мы не можем обойтись без рассмотрения утопии, с которой антиутопия часто полемизирует.

В чешской литературе XX в. и утопия, и антиутопия стали важным фактором культурного развития прежде всего в межвоенный период, на этапе становления общественных и политических институтов (после обретения чехами национальной независимости в 1918 г. в составе ЧСР) и выбора дальнейшего пути развития. В эту «золотую» для чешской истории эпоху в Чехии наблюдается настоящая «волна утопичности»², до этого чешская (анти)утопическая традиция была представлена лишь единичными случаями. (Анти)утопическая литература, которая насчитывала в рассматриваемый период, по данным наших изысканий, более полусотни произведений, стала ярким и многогранным эстетическим явлением, безусловно, заслуживающим научного осмысления.

В этих произведениях отразились основные социокультурные сдвиги в чешском обществе. После Первой мировой войны Чехия (в составе ЧСР) оказалась не только в новом геopolитическом положении, но и на распутье между

¹ См.: Сизов С.С. Утопия и общественное сознание: философско-социологический анализ. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 119 с.; Фролова И.В. Утопия: сущность и развитие (опыт социально-философской концептуализации): дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2005. 355 с.; Черткова Е.Л. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 71–81; Черткова Е.Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Россспэн, 1996. С. 156–187; и др.

² Формулировка чешского литературоведа А.М. Пиши, см.: Písá A.M. Vlna utopičnosti // Písá A.M. Směry a cíle: kritické listy z let 1924–1926. Praha: František Svoboda a Solař Roman, 1927. S. 142–153.

двумя системами и идеологиями — капиталистического мира американской и европейских (в особенности французской) демократий и социалистической пореволюционной России. Кроме того, возникновению «волны утопичности» способствовали травмирующий опыт войны и в целом кризис европейского общественного сознания, а также тенденции развития общества, связанные с промышленным бумом и проблемой низведения человека до механического существа — восприятия его лишь как средства производства.

Особенностью чешской «волны утопичности» стали специфические жанровые формы, которые сегодня с трудом вписываются в привычную жанровую модель (в первую очередь, в произведениях часто отсутствует конфликт личности и общества, а героями становится целые социальные группы). К моменту появления (с середины 1920-х гг.) в Чехии многих жанроустанавливающих европейских антиутопий (Е.И. Замятин, О. Хаксли и др.) в чешской литературе уже сложилась своя жанровая традиция, которая, с одной стороны, опиралась на свои немногочисленные образцы более ранних периодов и, с другой стороны, полемизировала преимущественно с Г. Уэллсом (писатели активно использовали мотивы внедрения в общественную жизнь научных изобретений). Жанровая специфика антиутопии была связана и с определенными тенденциями в чешской литературе в целом: переустройством жанровой структуры и трансформацией отдельных жанров; детектив становится областью эксперимента высокой литературы³, репортаж, путевой очерк — журнальные по происхождению жанры — вначале появлялись на страницах ежедневной печати, а потом объединялись в книги, постепенно утрачивая узкую утилитарную функцию⁴. Все это ярко проявилось и в (анти)утопических произведениях.

Жанровые особенности чешской литературной антиутопии раскрываются в нашей работе на материале произведений трех авторов. Иржи Гауссманн — крупный представитель чешской, прежде всего политической, сатиры, по своему сатирическому таланту сравнимый с Я. Гашеком. На протяжении всего своего

³ Hodrová D. Utopie // Hodrová D. Poetika české meziválečné literatury. Praha: Československý spisovatel, 1987. S. 102.

⁴ Об этих процессах в чешской литературе см.: Павера Л. Текст, жанр и интерпретация. М: Университетская книга, 2008. С. 65–72.

недолгого творческого пути Гауссманн последовательно критиковал любые утопические идеи, а его антиутопичность проявлялась во многих стихотворных и прозаических произведениях малой формы и ярче всего — в единственном романе «Фабричное производство добродетели» (*Velkovýroba ctnosti*, 1922). Ян Вайсс — чешский прозаик, крупный представитель чешской фантастической литературы, оставивший внушительное творческое наследие, большая часть которого (в особенности роман «Дом в тысячу этажей» (*Dům o tisíci patrech*, 1929), во многом схожий по своей образности и художественной структуре с мировыми образцами романа-антиутопии) содержит критику с позиций христианской морали утопических идей с использованием ярких причудливых образов. Мария Майерова — классик чешской социальной и соцреалистической прозы, пронесшая через все свое творчество утопическую идею социализма и в то же время ставшая автором двух антиутопических романов — «Площадь республики» (*Náměstí republiky*, 1914), где критикуются утопические идеи как непродуктивные формы борьбы с социальной несправедливостью, и «Плотина» (*Přehrada*, 1932), представляющая антиутопический образ капиталистического общества. Эти авторы стали значимыми фигурами в истории чешской литературы, и, в отличие от основной массы (анти)утопических произведений межвоенного периода, их антиутопии, написанные с разных общественно-политических и эстетических позиций и имеющие разную художественную структуру, читаются и продолжают переиздаваться и сегодня, будучи при этом очень слабо изученными с точки зрения их антиутопического содержания⁵.

Таким образом, на примере анализа творчества выбранных авторов демонстрируется формирующаяся в рамках общеевропейских литературных процессов и частных чешских историко-культурных обстоятельств самобытная чешская традиция литературной антиутопии, которая на данный момент далеко неполно исследована.

---

⁵ Отсутствие имени К. Чапека среди выбранных авторов объясняется, с одной стороны, высокой степенью изученностью его творчества, в том числе и жанровых особенностей, а с другой стороны — его обширное литературное, в том числе антиутопическое, наследие слишком велико и требует посвящения ему отдельной работы. Тем не менее, в перспективе использованный в данном исследовании подход будет применен в ходе формирования национальной жанровой модели и К. Чапеку.

Степень изученности вопроса. Первые работы по чешской (анти)утопии появляются в 1920-е гг. как реакция критиков на огромное количество (анти)утопических произведений, опубликованных после Первой мировой войны. Авторы пытаются связать причины появления подобной «волны утопичности» с историко-культурным процессом⁶. В период «нормализации» (1968–1989 гг.) утопию изучали в первую очередь в рамках исследования научной фантастики⁷. Эта же тенденция сохранилась и после «бархатной» революции 1989 г.⁸ Большую роль в создании базы для изучения (анти)утопии как литературного феномена внесли исследователи отдельных авторов межвоенного периода — К. Чапека, Я. Вайсса, И. Гауссманна и др.⁹ В 2004 г. вышла первая монография, посвященная антиутопическим текстам определенного периода истории чешской литературы — работа П. Гртанека «Негативная утопия в чешской прозе второй половины XX столетия»¹⁰. Здесь впервые делается обзор чешских и отчасти других славянских (в основном польских) литературоведческих и философских научных работ, рассматривающих утопию, и ставятся методологические проблемы рассмотрения антиутопии как жанра с выделением жанровых «знаков». В 2010 г. также вышел коллективный труд «Планета Эден: мир завтрашнего дня в социалистической Чехословакии в 1948–78 гг.»¹¹, продолживший традицию изучения утопии в рамках фантастики.

Специфика чешской утопии и антиутопии исследуется и отечественными литературоведами. В первую очередь, это работы, связанные с творчеством

⁶ Píša A.M. Vlna utopičnosti; Rutte M. Vědecká utopie v soudobém českém románě // Cesta. Ročník 8/1925–1926. Číslo 3. S. 47–49; Číslo 4. S. 63; Číslo 5. S. 78–79.

⁷ Genčiová M. Vědeckofantastická literatura. Praha: Albatros, 1980. S. 36–57; Neff O. Něco je jinak. Praha: Albatros, 1981. 373 s.

⁸ Neff O. Pět etap české fantastiky // Adamovič I. Slovník české literární fantastiky a science fiction. Praha: R 3, 1995. S. 11–23; Langer A. Průvodce paralelními světy: nástin vývoje české sci-fi 1976–1993. Praha: Triton, 2006. 275 s.; Čurín M. Ke kořenům žanru fantasy v české literatuře // Mezi deklamovánkou a románem (Proměny žánrů v české a slovenské literatuře) / Ed. S. Fedrová, J. Hejk, A. Jedličková. Praha: Ústav pro českou literaturu AV ČR, 2006. S. 169–173.

⁹ Например: Buriánek F. Karel Čapek. Praha: Československý spisovatel, 1988. 345 s.; Vlašín Š. Kniha o Čapkovi. Praha: Československý spisovatel, 1988. 426 s.; Kmuniček V. Hledání Jana Weisse. Liberec: Bor, 2012. 213 s.; Pešta P. Satirik převratu Jiří Haussmann. Brno: Atlantis, 1999. 288 s.

¹⁰ Hrtanek P. Negativní utopie v české próze druhé poloviny 20. století. Ostrava: Ostravská univerzita, Filozofická fakulta, 2004. 123 s.

¹¹ Planeta Eden: Svět zítřka v socialistickém Československu v letech 1948–1978 / Eds. I. Adamovič, T. Pospiszyl. Řevnice: Arbor vitae, 2010. 246 s.

К. Чапека¹², труды о других авторах (Г.П. Мельникова — о Я.А. Коменском, Л.С. Кишкина, Л.Н. Будаговой — о С. Чехе, А.П. Соловьевой — о Я. Арбесе)¹³, а также обзорные или родственные по тематике статьи И.А. Бернштейн, О.М. Малевича, К. Булычева, Л.Н. Будаговой, И.А. Герчиковой¹⁴. Эти исследования дают общее представление о месте утопии и антиутопии в чешской литературе.

Основные особенности чешской (анти)утопической литературы первой трети XX в. рассматривает в своих обзорных статьях Я. Махек. Во-первых, авторы изображали большие столкновения, массовые сцены, военные сражения, природные катастрофы, по сути, создавая коллективный роман или роман-фельетон, где нет главного героя и представлена мозаика человеческих судеб для иллюстрации поворотов истории¹⁵. Во-вторых, одной из главных особенностей чешской (анти)утопической литературы этого времени Махек считает приоритет национальной проблематики над социальной, в особенности в произведениях, относящихся к массовой литературе¹⁶. Д. Годрова предприняла попытку дать уже жанровый обзор чешской межвоенной (анти)утопической литературы, но на гораздо меньшем количестве текстов. Она отмечает минимальную или нулевую реализацию мотива иного языка и разбирает основные типы

¹² Никольский С.В. Карел Чапек — фантаст и сатирик. М.: Наука, 1973. 432 с.; Малевич О.М. Карел Чапек: критико-биографический очерк. М.: Художественная литература, 1989. 304 с.; Ковтун Е.Н. Карел Чапек и социальная фантастика XX столетия. М.: МГУ, 1998. 128 с.; и др.

¹³ Мельников Г.П. Специфика утопизма Яна Амоса Коменского // Утопия и утопическое в славянском мире / Отв. ред. Л.А. Софронова, Н.М. Куренная. М.: Издатель Степаненко, 2002. С. 35–46; Кишкин Л.С. Сватоплук Чех. М.: Академия наук СССР, 1959. 250 с.; Будагова Л.Н. О путешествиях Матея Броучека и творчестве С. Чеха // Чех С. Путешествия пана Броучека. Л.: Художественная литература, 1977. С. 3–20; Соловьева А.П. «Романетто» Якуба Арбеса // Арбес Я. Избранное. М.: Художественная литература, 1979. С. 3–14.

¹⁴ Бернштейн И.А. Научная фантастика Чехословакии // Как я был великаном. М.: Мир, 1967. С. 5–13; Будагова Л.Н. К вопросу о функции фантастики в чешской литературе XX века (Некоторые аспекты проблемы) // Фантастика и сатирик в литературе славянских народов (В честь 80-летия С.В. Никольского) / Отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: Институт славяноведения, 2004. С. 17–25; Булычев К. Послесловие // Фантастика чехословацких писателей. М.: Правда, 1988. С. 424–430; Герчикова И.А. Чешская фантастика: от Карела Чапека до Милоша Урбана // Фантастика и сатирик в литературе славянских народов. С. 37–46; Малевич О.М. Научная фантастика в чешской литературе 20–30-х гг. // Чапек К., Вайсс Я. Война с саламандрами; Дом в тысячу этажей. М.: Радуга, 1986. С. 5–16.

¹⁵ Machek J. Báječné nové světy, současnost a budoucnost v meziválečné české utopické beletrie // Bude, ako nebolo. Podoby utopického žánru / Eds. I. Taranenková, M. Jareš. Bratislava: Ústav slovenskej literatúry SAV, 2012. S. 64–89.

¹⁶ Machek J. Češi jako „predvoj lidstva“. Předastavy o českém národě a jeho sousedech v ideálních světech meziválečné české utopické belterie // Forum historiae. Ročník 6/2012. Číslo 2. S. 84–100.

персонажей: 1) главный герой-путешественник, который часто заменяется фигурой изобретателя; 2) авантюрист-предприниматель, или повелитель-тиран, который становится причиной катастрофических изменений; 3) человекоподобные существа, или коллективный герой из иной, «чужой» социальной среды¹⁷. Некоторые жанровые особенности уже видны в исследованиях Махека и Годровой, однако эта проблема требует более подробного и системного изучения, в перспективе — на максимальном количестве текстов.

Актуальность данной работы тем самым определяется необходимостью восполнить существенный пробел в изучении чешской литературной антиутопии, которая стала одной из культурных доминант первой трети XX в. и которая не подвергалась в монографических работах системному исследованию и структурному анализу ни в отечественной, ни в зарубежной науке.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в синтетическом подходе к анализу форм проявления антиутопии, учитывая ее социокультурную природу. Выделение нами структурных признаков антиутопического сознания и выявление их в художественных текстах позволило обосновать причисление произведений к антиутопиям и расширить список чешских антиутопий, включив в него произведения, ранее таковыми не считавшиеся. В ходе последующего анализа их художественных особенностей были показаны специфические жанровые черты чешской литературной антиутопии на материале творчества выбранных авторов. Данный подход является универсальным для любой национальной литературы и может использоваться для анализа (анти)утопий любых жанровых форм. Кроме того, проведенный в работе литературоведческий разбор вносит существенный вклад в изучение рецепции и поэтики творчества рассмотренных писателей, актуализируя и модифицируя представления о чешском литературном процессе первой трети XX в.

Предметом исследования является антиутопия и формы ее проявления в творчестве И. Гауссманна, Я. Вайssa и М. Майеровой. **Объектом** исследования выступают все их опубликованные произведения, в которых

---

¹⁷ Hodrová D. Utopie. S. 80–103.

наблюдаются проявление антиутопического сознания. Наиболее подробному анализу подвергаются произведения, в которых антиутопия выступает не как содержательный элемент, не влияющий на жанровую систему, но как структурообразующий компонент, что позволяет рассмотреть индивидуальные авторские *жанровые* особенности литературной антиутопии. В первую очередь это сатирические стихотворения и поэмы (опубликованные в сборниках «Хулительные песни» (*Zpěvy hanlivé*, 1919), «Гражданская война» (*Občanská válka*, 1923) и в периодике), рассказы (опубликованные в сборнике «Дикие рассказы» (*Divoké povídky*, 1922) и в периодике) и роман («Фабричное производство добродетели») И. Гауссманна, рассказ «Отважный трус» (*Odvážný zbabělec*, 1931) и романы («Дом в тысячу этажей», «Молчание золото» / *Mlčetí zlato*, 1933, «Спящий в зодиаке», *Spáč ve zvěrokruhu*, 1937) Я. Вайssa и романы («Площадь Республики» и «Плотина») М. Майеровой. Произведения Я. Вайssa второй половины XX в. из анализа исключены, поскольку нерелевантны для представления специфики чешской литературной антиутопии первой трети XX в.

Цель исследования заключается в выявлении характерных для условного жанрового инварианта и специфических признаков антиутопии в творчестве выбранных авторов для выделения национальных особенностей чешской антиутопии. Поставленной цели соответствуют **задачи** исследования:

- вычленить основные признаки утопического и антиутопического сознания и определить векторы эволюции утопического сознания;
- выявить основные структурные элементы условных жанровых инвариантов литературной утопии и антиутопии; определить основные векторы жанровой эволюции утопии и антиутопии;
- произвести отбор произведений рассматриваемых авторов для литературоведческого анализа путем выявления в них признаков антиутопического сознания;
- выделить специфические жанровые признаки литературной антиутопии в творчестве выбранных авторов путем сопоставления жанровых особенностей их произведений с условным жанровым инвариантом.

Методологической основой диссертации стали труды по теории утопического и антиутопического сознания В.Д. Бакурова, Э.Я. Баталова, С.С. Бреги, Ч.С. Кирвеля, М. Ласки, К. Мангейма, Т.С. Паниотовой, С.С. Седова, Т.С. Стяжкиной, И.В. Фроловой, Е.Л. Чертковой, И.С. Шестаковой, Д.П. Шишкина, С.А. Шишулькина, Е. Шацкого и др., работы по истории и теории литературных жанров М.М. Бахтина, В.П. Большакова, А.Н. Веселовского, Н.Л. Лейдермана, Е.М. Мелетинского, В.В. Кожинова, А.В. Михайлова, труды по истории и теории утопии и антиутопии как литературных жанров А.Е. Ануфриева, В.В. Быстровой, А.Н. Воробьевой, Е.С. Долгиной, Т.С. Ивановой, Е.Ю. Козьминой, О.В. Лазаренко, Б.А. Ланина, Г. Мортона, О.А. Павловой, О.Б. Сабининой, А.В. Тимофеевой, В.А. Чаликовой, Т.А. Чернышевой, М.И. Шадурского, С.Г. Шишкиной, и др.), чешские монографические работы, посвященные выбранным авторам, В. Кмуничека (о Я. Вайссе), П. Пешты (о И. Гауссманне), И. Гаека, Л. Мандовой, Я. Неедлой, Д. Нывлтовой и др. (о М. Майеровой, а также российская монография о ней Р.Р. Кузнецовой) и обзорные статьи по чешской (анти)утопической литературе Я. Махека, Д. Годровой и др.

В нашем исследовании применен синтетический подход, совмещающий литературоведческие методы (в частности биографический — для прояснения общественно-политической позиции авторов, историко-генетический — для установления закономерностей развития жанров утопии и антиутопии в чешской литературе, жанрово-типологический — для конструирования жанровой модели антиутопии на материале творчества выбранных авторов, структурный — при литературоведческом анализе текстов) и методы социальной философии (социокультурный — в рамках рассмотрения антиутопии и утопии как целостных явлений, находящих воплощение в разных сферах деятельности общества и культуры, структурно-конструктивистский — для выстраивания структур утопического и антиутопического сознания).

Положения, выносимые на защиту:

1. В исследовании литературной антиутопии, как и утопии, литературоведческие методы анализа целесообразно дополнять социально-философским подходом, поскольку именно специфика антиутопии как типа

сознания обуславливает ее жанровую форму. В связи с этим признаки антиутопического сознания следует считать критерием отбора произведений для дальнейшего анализа жанровой структуры.

2. Главной особенностью чешской литературной антиутопии первой трети XX в. является перенос акцента с проблемы взаимоотношения личности и общества на социальные макропроцессы, связанные с интересами чешской нации, на что указывает своеобразие конфликта и композиции произведений. При этом творчество И. Гауссмана и М. Майеровой демонстрирует национальную специфику в большей степени, нежели близкие к условно универсальной жанровой модели антиутопии произведения Я. Вайсса, что объясняется особенностями общественно-политических и религиозных взглядов исследуемых авторов.
3. Важной отличительной чертой чешской литературной антиутопии первой трети XX в. является оптимизм значительной части рассмотренных романов (Вайсса и Майеровой) и отсутствие в них трагического финала, что объясняется культуро-историческими обстоятельствами эпохи (настроениями в чешском обществе после обретения национальной независимости и для Майеровой — революционными событиями в России).
4. Антиутопия в чешской литературе первой трети XX в., реализуясь в целом ряде жанров (роман, рассказ, поэма, стихотворная сатира), способна демонстрировать (даже в малой форме) высокую степень соответствия условному жанровому инваринату в том случае, если автор следует общеевропейской антиутопической традиции.

Теоретическая значимость работы заключается в обосновании нового принципа изучения литературной утопии и антиутопии, сопрягающего методы литературоведческого и социально-философского исследования, в формулировании признаков антиутопического сознания, а также в определении специфики чешской литературной антиутопии на основе анализа творчества выбранных авторов.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее результатов при разработке общих и специальных курсов по истории зарубежных (славянских) литератур XX в. и по литературной утопии и антиутопии, а также при подготовке переводов, научных и комментированных изданий.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании Отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН. Материалы и положения диссертационного исследования были представлены в виде докладов на 23 научных мероприятиях, в том числе на международных конференциях: IV и V «Всемирный конгресс литературоведческой богоевангелистики» (Прага, Институт чешской литературы АН ЧР, 27 июня — 04 июля 2010 г., 27 июня — 4 июля 2015 г.), «Славянский мир: общность и многообразие» (Москва, ИСл РАН, 23–24 мая 2012 г., 20–21 мая 2013 г., 24 мая 2016 г., 23 мая 2017 г., 21–22 мая 2019 г.), «Конец Первой мировой войны, распад империй, образование новых государств в Центральной и Юго-Восточной Европе (к столетию событий)» (Москва, ИСл РАН и др., 12–13 ноября 2018 г.), «50-я Международная научная филологическая конференция им. Л.А. Вербицкой» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 15–23 марта 2022 г.).

Основные положения исследования отражены в 8 публикациях, 5 из которых – в научных журналах из списка, утверждённого решением Учёного совета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Структура исследования соответствует поставленным в нем задачам. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии. Первая глава посвящена теоретическим основам изучения утопии и антиутопии, в остальных трех главах проводится анализ форм проявления антиутопии в творчестве выбранных авторов — И. Гауссманна, Я. Вайсса и М. Майеровой. Объем работы — 245 страниц. Количество позиций в библиографии — 300.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** аргументируются актуальность темы исследования и принцип отбора авторов, творчество которых анализируется, делается обзор

проблематики изучения чешской литературной антиутопии, обосновывается научная новизна, методологическая основа, теоретическая и практическая значимость работы, приводятся ее основная цель и задачи и описывается структура, указываются предмет и объект исследования, а также формулируются выносимые на защиту положения.

В первой главе «Утопия, антиутопия и жанр: теоретический аспект» вычленяются структурные признаки утопического и антиутопического сознания, а также жанровых инвариантов литературной утопии и антиутопии. В первом параграфе *«Феномен утопии и антиутопии как объект научного изучения»* прослежены основные этапы истории исследования утопии и антиутопии в России. Делается вывод о том, что эволюция научной мысли в этой области началась с синкретичного рассмотрения явления утопии без отделения собственно литературной ее стороны от философской, социально-политической и др., впоследствии происходит специализация изучения по социально-философскому, литературоведческому, социологическому, психологическому и пр. направлениям, и, наконец, на современном этапе, наблюдается переход к комплексному междисциплинарному подходу, предполагающему обобщение знаний из разных областей. Объем накопленных разработок по теме (анти)утопии уже не позволяет при исследовании чисто литературоведческой темы игнорировать многогранность этого сложного явления. Кроме того, представлен обзор научных трудов (отечественных и зарубежных) по чешской утопии и антиутопии.

Во втором параграфе *«Философские основы исследования утопии и антиутопии»* на основе трудов Э.Я. Баталова, Ч.С. Кирвеля, О.А. Павловой, С.С. Сизова, Е.Л. Чертковой и Е. Шацкого были сформулированы признаки утопического сознания. Кроме того, в процессе эволюции форм воплощения утопического сознания была обозначена тенденция нарастания практического целеполагания утопических проектов, которая через утопический социализм и марксизм привела к крупнейшему макросоциальному эксперименту в России в результате Октябрьской революции, повлиявшему на всю европейскую

культуру. По аналогии с утопическим были вычленены признаки антиутопического сознания:

1. Антиутопия вместо опоры на идеал исходит из полного его отрицания (будь то какой-то конкретный или идеал как таковой). Если утопический идеал обладает потенциалом превращения в цель, то антиидеал, напротив, конструируется для того, чтобы никогда не осуществиться.
2. Если утопия полностью отрицает настоящее, создавая ему альтернативу с ориентацией на будущее, то антиутопия, напротив, отвергает саму возможность счастливого будущего.
3. Если утопия наделяет человека ролью Бога-творца, способного придать миру нужный ему вид, то антиутопия опровергает такие способности человека, демонстрируя стихийность и непредсказуемость развития общества под влиянием действий отдельных неподконтрольных системе лиц.
4. Если в утопии человек представлен как исключительно рациональное управляемое существо, то в антиутопии делается акцент на естественную, чувственную или иногда даже звериную природу человека, которая делает его неуправляемым со стороны рационально построенной системы.
5. Так же, как и утопия, антиутопия в своей критике чужого социального идеала не способна к критическому отношению к своему собственному основанию.
6. Если утопия стремится принести счастье всем людям, объединенным в социум, то антиутопия, напротив, ставит во главу угла счастье, судьбу отдельной личности (этот пункт, однако, как мы полагаем, возник лишь в процессе эволюции антиутопии).
7. Если утопия антиисторична и статична в своем совершенстве, то антиутопия, напротив, динамична — погружая критикуемый социальный идеал в исторический процесс, она способна предсказать его последствия.
8. Если утопист убежден в пластичности, податливости мира, то автор антиутопии, наоборот, фаталистически убежден в тщетности приведения мира к идеалу.

9. Если в идеальном обществе утописта присутствуют только положительные, произвольно выбранные характеристики, которые «работают» на идеал автора утопии, то в антиутопии, напротив, присутствуют лишь отрицательные черты.
10. Если утопия, неся следы мифологического сознания, стремится к гармонизации хаоса через политическое насилие, то антиутопия ниспровергает утопический (мифологический) космос и снова погружает мир в хаос, возвращая его к реальности исторического развития.
11. В утопии важную роль в создании конструкта играет образная форма выражения, в антиутопии эта роль многократно усиливается; учитывая динамизм и историзм антиутопии, ее продуктивное существование за пределами жанров искусства едва ли возможно.
12. Антиутопия, как и утопия, является исторической категорией и подвержена влиянию эпохи, а потому отражает и конкретные этапы развития человеческой мысли, в частности – она испытывает непосредственное влияние современных ей утопических идей.
13. Если утопия тяготеет к эксперименту и реализации на практике (в т.ч. в рамках художественной действительности), то антиутопия без этого уже почти не может обойтись, поскольку ее цель — продемонстрировать последствия утопии и дать наглядное изображение антиидеала.

В третьем параграфе «*Утопия и антиутопия как жанры*» были выделены жанровые признаки литературной утопии и намечены основные тенденции ее эволюции. Далее, на основе трудов О.В. Быстровой, Б.А. Ланина, О.А. Павловой, О.Б. Сабининой, С.Г. Шишгиной, были приведены признаки жанровой модели антиутопии, которую мы в целях исследования считаем инвариантом: частое сохранение рамочной композиции «текст в тексте», частое использование дневниковой формы, разного рода стилизаций и иносказаний; ярко выраженный сюжет с ключевыми эпизодами: встречи с любимой, сцена гражданского неповиновения, спор с идеальным антагонистом, трагический финал, констатирующий поражение героя; элементы сюжетной схемы детектива; отсутствие риторического диалога в качестве сюжетообразующего элемента;

усложнение системы нарративов, появление повествования от первого лица; сохранение пространственной изолированности и/или появление временной удаленности; сохранение мотива путешествия в качестве системообразующего; сохранение регламентации жизни и ритуализации (однако изображаются они с использованием гротеска, подчеркивающего иррациональность устройства мира); вместо мудрого правителя появление тирана, создавшего тоталитарную систему управления; усложнение системы персонажей, появление психологизации изображения главных героев, группировка героев два лагеря — защитников и противников системы; появление конфликта личности и общества; отражение в сюжете формирования личностного самосознания главного героя, вычленение им индивидуального «я» из деперсонализированного пространства «мы»; значительное уменьшение степени описательности; противопоставление застывшего времени описываемого общества динамичному времени главного героя, который словно ускоряет время и разрушает социальную систему; присутствие в антиутопии элементов историзма (действие происходит в государствах, переживших социальные революции или освободительные войны, тоталитарный социум в антиутопии часто находится в состоянии развития); изъятие из топоса антиутопии, минимизирование или значительная идеологическая деформация исторической и коллективной памяти; подчеркивание обреченности происходящего описаниями природы, которая нередко враждебна человеку; мотив бессилия разума перед животным началом в человеке; использование особого языка, новояза, отражающего принципы существования общества.

Во второй главе «Антиутопия в творчестве Иржи Гаусманна» в первом параграфе «*Творчество И. Гаусманна: биографические источники и критическая рецепция*» показана эволюция взглядов И. Гаусманна, который на протяжении своего короткого творческого пути последовательно выступал против любых радикальных взглядов и политических движений, придерживаясь умеренной социалистической позиции и опираясь на христианскую мораль. Чешское национальное государство и его стабильность выступали главным приоритетом для Гаусманна, в связи с чем сначала его творчество имело сильный

антиавстрийский пафос, а после создания ЧСР его сатира была направлена против тех, кто, по его мнению, был угрозой государству — против чешских националистов (в лице К. Крамаржа) в их борьбе с большевизмом, и на определенном этапе — против коммунистов.

Восприятие Гауссманна критиками при его жизни было связано с его ярким сатирическим талантом, который позволил им сравнивать писателя с Я. Гашеком, однако часто в адрес сатирика звучали упреки в излишней публицистичности и слабой художественности произведений. После смерти Гауссманна наметилась тенденция сравнивать его с пролетарским поэтом И. Волькером и воспринимать их в одном потоке чешской революционной поэзии. Эта тенденция усилилась во второй половине XX в. и достигла пика в период «нормализации», когда антикоммунистические произведения поэта игнорировались. В 1980-х гг. наметилась еще одна линия восприятия Гауссманна, превалирующая и в XXI в. — как сатирика-фантаста и создателя антиутопий.

Во втором параграфе *«Формы реализации антиутопии в стихотворных произведениях И. Гауссманна»* делается наблюдение, что антиутопия у Гауссманна довольно часто является содержательным элементом, не влияющим на художественную структуру произведения (как правило, в таких случаях наблюдается минимальное количество признаков антиутопического сознания), и проявляется в форме критики отдельных утопических идей, транслируемых современными писателю политиками. В сатирических поэмах «Где дом мой?» и «Карминовая гвардия» (*Kde domov týj?*, *Karmínová garda*, сб. «Хулительные песни») высмеивается утопизм социалистов и коммунистов соответственно, в стихотворении «Он в пути» (*On na cestách*, сб. «Гражданская война») — у托ические представления чешских националистов о новой, славянской Руси; в других случаях высмеиваются идеи о рае на земле — в стихотворной драме «Скета» (*Sketa*, сб. «Хулительные песни»), поэмах «Гражданская война», «Интервью II» (*Interview II*, 1919); мотив сна в поэме «Сон» (*Sen*, 1919), высмеивающей националистический идеализм национал-демократов, сближает произведение с жанровой моделью антиутопии.

В других произведениях, демонстрирующих ряд признаков антиутопического сознания, антиутопия выступает стержнем художественной структуры произведения и находит более широкое воплощение. Поэма «Сказка о заколдованный империи» (*Pohádka o zakletém císařství*, сб. «Хулительные песни») дает антиутопический образ общественного устройства Австро-Венгрии и высмеивает идеализированное представление о ней. В поэме «Гид» (*Průvodce*, 1924) создается негативный образ современной автору Чехословакии. В стихотворениях «AVE!» (1918) и «Декрет» (*Dekret*, 1921) с помощью использования фантастического вымысла сатирически изображаются последствия социальных экспериментов — большевистская революция в ЧСР и ее коммунистическое будущее. В стихотворении «Предотвращенный хаос» (*Zažechnaný chaos*, 1921) снова с помощью фантастического допущения Гауссманн рисует наставший в результате изменения движения земли «рай». В этих произведениях Гауссманна выделены следующие жанровые особенности: высокая степень описательности с использованием емкой сатиры (отсылки к современным автору реалиям), минимальный сюжет, часто заключающийся в крушении изображаемого общества, нередко появляющийся образ тирана, однократное использование мотива путешествия и связки героев «путешественник-гид»; частое перенесение действия в будущее (однако есть по одному примеру прошлого и настоящего), разворачивающегося преимущественно на территории ЧСР.

Во втором параграфе «Жанровое своеобразие антиутопических рассказов И. Гауссманна» рассматриваются рассказы, в которых выявлен ряд признаков антиутопического сознания: «Человечество под угрозой» (*Ohrozené lidstvo*, сб. «Дикие рассказы»), показывающий последствия изобретения преобразователя духовной энергии в материю, «-1» (сб. «Дикие рассказы»), изображающий последствия возникшего отрицательного курса валюты, «Чудо» (*Zázrak*, 1921), высмеивающий католическую утопию, и «Метафизическая промышленность» (*Metafyzický průmysl*, сб. «Дикие рассказы»), где утопическая идея всеобщего альтруизма наталкивается на несовершенство капиталистической системы. В жанровом отношении эти рассказы довольно однообразны. Так же, как

и в стихотворных произведениях, здесь превалирует описательность изображаемых феноменов с частыми перечислениями и сатирическими выпадами в адрес конкретных явлений современного Гауссманну общества. В основе сюжета лежит некое фантастическое событие, призванное привести общество и идеалу, но, не выдержав испытания реальностью, утопия распадается. В рассказах находит развитие образ тирана, в роли которого выступает некий предприниматель; действие происходит в неопределенном будущем и разворачивается на территории ЧСР, расширяясь в последнем рассказе до мирового масштаба. Практически полностью в рассказах Гауссманна отсутствует психологизация персонажей и развернутый сюжет с их участием. Рассказ «Путешествие» (*Výlet*, 1921), сатира на социальное устройство Чехии будущего по советскому образцу, на этом фоне выделяется, демонстрируя более традиционный для модели антиутопии набор жанровых признаков: здесь появляется рамочная композиция, мотив путешествия, временная удаленность, образ тирана, повествование от 1-го лица, изображается регламентация жизни с использованием гротеска, конфликт личности и общества и разрушение этого общества героем.

В четвертом параграфе «*Роман “Фабричное производство добродетели” как антиутопия*» констатируется, что роман развивает намеченные в рассказах тенденции. В нем показываются последствия внедрения изобретения вещества, делающих людей альтруистами, которое вместо рая приводит к масштабной войне. В романе наблюдается максимальный набор признаков антиутопического сознания и целый ряд жанровых признаков антиутопии: активно используются стилизации, ставшие главным композиционным принципом, основную сюжетную линию сопровождают самостоятельные ответвления с использованием детективного жанра, ярко выражены временная удаленность и пространственная обособленность, явления общества изображаются с систематическим использованием гротеска, присутствует разветвленная система персонажей, разделенных на два лагеря по зеркальному принципу (нет положительных и отрицательных), образы тиранов представлены крупными предпринимателями. В романе по-прежнему очень сильна сатирическая описательность, отсутствуют

психологизм и противостояние личности и общества, а также структурообразующий мотив путешествия, частичной заменой которому выступает прослеживание судьбы изобретения.

В третьей главе «*Антиутопия в творчестве Яна Вайсса*» в первом параграфе «*Творчество Я. Вайсса: биографические истоки и критическая рецепция*» демонстрируется, насколько чувствителен писатель был к высказываниям критики, а потому изменения содержания и поэтики его произведений были часто связаны с литературной и политической конъюнктурой — представлениями критиков о том, какую функцию должна выполнять литература. В 1930-е гг. Вайсса упрекали в излишней абстракции художественного творчества и оторванности от реальных проблем современного общества, что сподвигло писателя обратиться к актуальной проблематике. Однако при этом через весь творческий путь Вайсс пронес свою «борьбу» с утопией. Антиутопический образ мира, возникший в романе «Дом в тысячу этажей» перерос в последовательное критическое осмысление утопических идей в романах «Молчание — золото» и «Спящий в зодиаке», а потом в более релятивистское осмысление этих идей на последнем этапе творчества. Его антиутопии выступали ярким примером художественного диалога с общественно-политическим и литературным дискурсом эпохи. В отличие от политического сатирика И. Гауссманна, критиковавшего утопию за ее опасность для общества и хрупкой чешской государственности, творчество Вайсса тесно связано с его религиозно-философскими воззрениями и часто носит теософскую подоплеку, связанную с еретической природой утопии.

Во втором параграфе «*Антиутопия в творчестве Я. Вайсса 1920-х гг.*» вначале рассматриваются произведения с рядом признаков антиутопического сознания, в которых антиутопия выступает содержательным элементом, что наблюдается уже в самом раннем творчестве писателя — драме «Пенза» (*Penza*, 1926), где одержимость концепциями социальных идеалов приводит к кровопролитию среди чехов-легионеров, и многочисленных рассказах: «Волшебный пес и чемпион мира» и «Австрияк» (*Zázračný pes a šampion světa, Austriák*,

сб. «Барак смерти» / *Barák smrti*, 1927), где высмеиваются имперские амбиции чехов-легионеров, доходящие до мировой гегемонии, «Барак смерти», «Послание со звезд» (*Poselství z hvězd*, сб. «Барак смерти») герои которых, чешские военнопленные, бунтуя против Бога, в отчаянии хватаются за утопические идеи и погибают. Этот же мотив губительности для человека утопических идей реализуется яркими образами в фантастических рассказах «Два сна» (*Dva sny*, сб. «Зеркало, которое опаздывает» / *Zrcadlo, které se opoždívá*, 1927), «Сон о красном гноме» (*Sen o červeném skřítkovi*, сб. «Носильщик мебели» / *Nosič nábytku*, 1941), «Сон о коммодоре» (*Sen o kormodorovi*, сб. «Носильщик мебели») и повести «Метеорит дядюшки Жулиана» (*Meteor strýce Žuljána*, сб. «Безумный полк» / *Blázivý regiment*, 1931), а также в сатирических гротескных рассказах «Радио-роза-рука» (*Rádio, růže, ruka*, сб. «Зеркало, которое опаздывает») и «Безумный полк».

Развернутый образ антиутопического мира, определяющий художественную структуру произведения, дает рассказ «Отважный трус» о летающем острове-санатории, где лечат состоятельных больных туберкулезом, который у Вайсса выступал симптомом больной души, а сам остров представлялся попыткой его обитателей бросить вызов Богу и отсрочить смерть. Здесь присутствуют многие признаки как антиутопического сознания, так и жанровой модели антиутопии: пространственная изолированность, мотив путешествия героя в антиутопический мир, образ тирана-предпринимателя, одержимого идеей экспериментов, и дублирующий его врач-изобретатель, мотив встречи с возлюбленной и противостояния героя утопической системе, регламентация и ритуализация жизни, противопоставление времени героя и социума, однако образ героя, разрушившего в finale остров, в рассказе представляется таким же отрицательным, как и остальные персонажи, и греховность тоже приводит его к смерти. По сравнению с Гауссманном, характеры персонажей более психологически достоверны, но в целом слабо индивидуализированы, выступая скорее набором человеческих пороков.

В романе «Дом в тысячу этажей» представленный во сне героя образ антиутопического общества, в котором сконцентрировано все социальное зло

и которое выступает кривым зеркалом современной автору реальности, создается для того, чтобы продемонстрировать последствия человеческих грехов и чтобы потом быть уничтоженным. Нисровергая идеалы современной автору цивилизации, создавшей породившие изображаемое общество тирана и его рабов, автор противопоставляет им христианские ценности. Это произведение, в котором наблюдается максимальный набор признаков антиутопического сознания, из всех рассмотренных в исследовании наиболее полно соответствуют универсальной жанровой модели: рамочная композиция (сон), стилизации, мотив путешествия героя в антиутопический мир, использование элементов развлекательных жанров, пространственная изолированность, образ всевидящего тирана, регламентация жизни обитателей, иррациональность и гротеск в описании антиутопического мира, разделения персонажей на два лагеря, противопоставление времени героя и его индивидуальности коллективному «мы». Нехарактерен для антиутопии счастливый финал романа — спасение героя и его победа над тираном. Такой оптимистичной концовкой Вайсс показывает путь спасения и человека, и общества.

В третьем параграфе *«Критическое осмысление утопических идей в творчестве Я. Вайssa 1930-х гг.»* рассматривается роман «Молчание — золото» — мозаика утопических идей (времен межвоенной ЧСР) разной степени развернутости и реализации в сюжете, которые осмысляет главный герой, открывший в себе талант демагога и мечущийся от одного политического движения к другому — от всех этих идей герой в finale отказывается. Образам земного рая, предлагаемым политиками, противопоставляется внутреннее совершенствование и поиск «поля сердца» по образцу произведения Я.А. Коменского «Лабиринт света и рай сердца» (*Labyrint světa a ráj srdce*, 1623). Ввиду своей нетипичности как литературной антиутопии роман, демонстрируя ряд признаков антиутопического сознания, в меньшей степени соответствует жанровой модели, а ряд черт в нем совпадает не полностью: рамочная и кольцевая композиция с использованием дневниковой формы, герой блуждает по городу, встречаясь с представителями разных движений, словно по лабиринту идей, конфликт личности

общества выражен слабо, островная изолированность и регламентация жизни присутствует лишь в случае одной из утопических идей; действие романа перенесено в недалекое будущее; элементы публицистических жанров выполняют функцию стилизации; присутствует любовная линия и соответствующий женский образ; идеиные предводители движений выступают в роли тиранов.

В романе «Спящий в зодиаке» автор, выступая с объективистских позиций, снова погружает утопические идеи современной ему эпохи (в первую очередь социальный эксперимент Советской России) в художественную реальность и представляет их с точек зрения персонажей из разных социальных слоев чешского общества, выстраивая конфликт на основе их столкновения. Этим идеям противопоставляется нравственная чистота детского восприятия и естественное, природное начало в человеке. Художественная система романа, при наличии в нем ряда признаков антиутопического сознания, еще меньше соответствует жанровой модели антиутопии, что обусловлено сильно выраженным другими, сопутствующими сюжетными линиями — фантастической, связанной с цикличностью жизни героя в течение года от детства до старости, и темой взаимоотношений ребенка и учителя, из-за которых идеиная основа романа уходит на второй план. Из жанровых признаков антиутопии здесь присутствуют мотив путешествия (в Советскую Россию для иллюстрации поляризованности взглядов героев), мотив потери памяти героем и мотив противопоставления общественной идеи и естественного, природного начала в человеке; в роли тирана снова выступает склонный к социальным экспериментам предприниматель (фабрикант).

Антиутопия в творчестве Вайсса, таким образом, представлена в эволюции от представления негативного образа современного автору общества, полного пороков («Дом в тысячу этажей»), до перехода на более объективистские позиции с критическим осмыслением нескольких утопических идей с разных точек зрения («Молчание — золото», «Спящий в зодиаке») и противопоставлением им духовного совершенствования человека.

В четвертой главе «Антиутопия в творчестве Марии Майеровой» в первом параграфе *«Творчество М. Майеровой: биографические истоки и критическая рецепция»* прослеживается жизненный и творческий путь М. Майеровой, которая всю жизнь боролась за искоренение социального неравенства, воспевая социалистические идеалы, и основные особенности рецепции выбранных нами произведений. Специфика антиутопии в творчестве М. Майеровой заключается в том, что отрицательные образы общества у нее противопоставлялись утопическому образу социализма (будущему или реализовавшемуся по советскому образцу). Однако пессимизм большей части творчества в отношении революции и «наивный» утопизм писательницы в романе «Плотина» не вызывали понимания ни у радикальных левых критиков в 1930-е гг., ни в эпоху социализма во второй половине XX в. В то же время художественное новаторство ее творчества и авангардная поэтика романа «Плотина» вызывали большой интерес в межвоенный период среди критиков самой разной политической ориентации, эти же черты привлекают читателей и исследователей и в XXI в.

Во втором параграфе *«Утопия в творчестве М. Майеровой и предпосылки возникновения антиутопии»* рассматривается утопичность как важная часть авторского мировоззрения и творчества. Недостижимый социальный идеал ассоциировался в социальной прозе Майеровой с «райским садом» — природой, недоступной для городских жителей — уже в самых ранних произведениях, а сказочная образность символизировала надежду героев на светлое будущее. С 1920-х гг. в романах Майеровой («Лучший из миров» / *Nejkrásnější svět*, 1923, «Сирена» / *Siréna*, 1935) появляется образ идеального общества, устроенного по принципам социализма и достигнутого путем революции, а в послевоенный период наблюдается утопическая идеализация новой действительности после прихода в ЧСР к власти просоветских политиков (1948). Многие произведения, написанные до Второй мировой войны, в то же время, создавая однозначно негативный образ части чешского общества, обладают сильным антиутопическим потенциалом, а путевые очерки «День после революции» (*Den po revoluci*,

1925), созданные после посещения СССР, сочетают одновременно утопический и антиутопический образы двух противоположных миров — нового (советского) и старого (капиталистической Европы и исторической России).

В третьем параграфе «*Роман “Площадь республики” как антиутопия*» рассматривается роман «Площадь республики», написанный еще до Первой мировой войны. Он представляет собой критику с позиций, как утверждала сама писательница, марксизма двух разного рода утопических концепций — построенного на принципах рациональности французского анархизма начала XX в. (в основном в лице А. Либертада) и опирающегося на чувства радикального, террористического революционного утопизма (представленного главным героем романа — юным борцом за социальную справедливость «здесь и сейчас»). При очевидном антиутопическом пафосе романа, определяющем его художественную структуру, и наличии ряда признаков антиутопического сознания здесь отсутствуют многие характерные черты жанровой модели антиутопии: нет рамочной композиции, иносказаний, стилизаций и новояза, нет временной удаленности и фантастического вымысла — действие, казалось бы, происходит в знакомому автору и читателю мире; нет явного противопоставления времени героя и окружающего мира; сюжет романа слабо выражен, а степень описательности высокая. Однако ряд важных жанровых признаков антиутопии в романе все же присутствуют: пространство романа — французская республика в окружении европейских монархий — представляло символический остров свободы, в основе сюжета — мотив путешествия героя в этот новый мир и блуждания его, как по лабиринту, а основной конфликт строится на противостоянии личности (главного героя) и общества чужого для нее мира с высокой степенью психологизации, в роли тирана выступает глава анархистов Либертад, любимая девушка героя служит его проводником по миру, сложная нарративная структура сочетает разные типы повествования (несобственно-прямая речь, диалоги, внутренние монологи), акцент на природной, чувственной и даже животной стороне персонажей и ее противопоставление концепциям, опирающимися на науку и ставящих разум во главу угла, а также враждебность

природы по отношению к главному герою по мере нарастания его несогласия с окружающим мироустройством.

В третьем параграфе «*Роман “Плотина” как антиутопия*» рассматривается роман «Плотина», который, в отличие от предыдущего, написан как жанровая пародия на многочисленные опубликованные на тот момент чешские антиутопические произведения. С одной стороны, в нем представляется однозначно негативный образ современной автору ЧСР, изображенной в недалеком будущем, и с другой — ему противопоставляется образ идеального социума, достигнутого в результате осуществленной в ходе развития действия романа революции. В романе «Плотина» таким образом сочетаются оба типа сознания, утопический и антиутопический (с практически полным набором его признаков), что отразилось и на жанровой структуре произведения, где наряду с целым рядом признаков жанровой модели антиутопии наблюдаются и элементы литературной утопии, а некоторые черты можно считать амбивалентными. К характерным жанровым чертам антиутопии относятся: рамочная композиция с многочисленными стилизациями под разного рода документы, развитый сюжет с использованием элементов развлекательных жанров, менее значительная роль диалогов и сложная нарративная система (с использованием тех же приемов, что и в романе «Площадь Республики»), временная удаленность действия, символическая пространственная изолированность (ЧСР является капиталистическим «островом» в окружении социалистических стран), разделение персонажей на два лагеря положительных и отрицательных героев. Отличает роман от инварианта жанра отсутствие центральной любовной линии и противопоставления борьбы индивида против общества. Мотив путешествия, характерный как для утопии, так и для антиутопии, в романе заменен калейдоскопом небольших эпизодов, сменяющихся по принципу вращающейся сцены авангардного театра, а время по ходу развития сюжета и разворачивания революционных событий стремительно ускоряется в традициях антиутопии и полностью останавливаются при достижении утопического идеала. В отношения действий революционеров в то же время можно говорить о признаках литературной

утопии — положительно оцениваемая автором регламентация их жизни и работы, а по мере развития действия акцент с изображения индивидуальностей смещается на коллективность и массовые сцены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении констатируется, что примененный подход, сочетающий философские и литературоведческие методы, позволил обоснованно причислить рассматриваемые произведения к антиутопиям путем выявления в них признаков антиутопического сознания и тем самым расширить корпус текстов чешской литературной антиутопии (за счет стихотворений и рассказов И. Гауссманна, рассказов и романов Я. Вайсса и романа «Площадь республики» М. Майеровой) и модифицировать представления о ней, сложившиеся в чешском литературоведении. Данный анализ позволил продемонстрировать функционирование и доказал состоятельность принципа, сформулированного в первом вынесенном на защиту положении. Ярким примером является роман Майеровой «Площадь республики», в котором, несмотря на отсутствие авторской интенции создать антиутопию и характерного для жанра хронотопа, наличие признаков антиутопического сознания обусловило появление жанровых признаков, во многом совпадающих со сформировавшейся позднее относительно устойчивой жанровой моделью.

Сравнив рассмотренные произведения с условным жанровым инвариантом литературной антиутопии и выделив специфические черты чешской антиутопической литературы первой трети XX в., мы пришли к выводу, что немногие из них соответствуют ей в значительной мере. Это роман «Дом в тысячу этажей» и рассказы «Отважный трус» Вайсса и «Путешествие» Гауссманна.

Отклонение от жанровой модели в большинстве произведений выражается прежде всего в отсутствии ярко выраженного конфликта личности с обществом и переносе внимания на социальные макропроцессы, что говорит о *пре-валировании интересов коллектива* (речь идет преимущественно о принципах существовании чехов как нации) над интересами индивида в идеальных концепциях

авторов (Гауссманн, Майерова). Эта особенность сказалась и на композиции произведений — в романах «Фабричное производство добродетели» Гауссманна и «Плотина» Майеровой характерной чертой является отсутствие мотива путешествия, который замещается мозаичным строением романов, состоящих из отдельных эпизодов жизни общества. В свою очередь произведения Вайсса в наибольшей степени соответствуют жанровому инварианту за счет акцента на противостоянии личности и социума потому, что общечеловеческие, универсальные проблемы этики, морали и индивидуальной ответственности за пороки общества были для писателя центральными. Эти наблюдения подтверждают второе выносимое на защиту положение.

Интересное исключение в творчестве Гауссманна, рассказ «Путешествие», соответствующий жанровому инварианту в наиболее высокой степени (в том числе за счет ярко выраженного конфликта личности и общества), объясняется, на наш взгляд, осознанным следованием традиции первых европейских антиутопий (Дж. Свифта посредством С. Чеха) и подтверждает четвертое выносимое на защиту положение.

Особенностью двух из рассмотренных романовых антиутопий является также их оптимизм и отсутствие трагического финала. В романах «Дом в тысячу этажей» и «Плотина» авторы, пусть и с разных социально-философских позиций, предлагают свою альтернативу негативным образам социума: у Вайсса ему противопоставлено нравственное самосовершенствование человека, а у Майеровой — утопический образ (социализма), что сближает ее творчество с массовой чешской литературой, где антиутопия часто совмещается с утопией в рамках одного произведения. Такое позитивное восприятие будущего, очевидно, следует связывать в целом с настроениями в чешском обществе после обретения национальной независимости и, в случае с Майеровой, с революционными событиями в России. Пессимизм Гауссманна, в свою очередь, объясняется сатирической природой его таланта и творчества. Данные наблюдения подтверждают третье выносимое на защиту положение.

Общей особенностью для трех авторов является использование научной фантастики, в частности, мотива внедрения нового изобретения (кроме романов «Молчание — золото» Вайсса, «Площадь республики» Майеровой и ряда рассказов и стихотворных произведений Гауссманна), которое лишь в романе «Плотина» приводит к улучшению человеческой жизни. Этот мотив влияет и на композицию произведений — процесс внедрения изобретения часто служит средством раскрытия ущербности описываемой общественной системы. Также возникает мотив уподобления человека механизму (романы «Дом в тысячу этажей», «Плотина»). Характерным персонажем при этом является изобретатель, иногда дублирующий образ тирана, в роли которого в свою очередь в большинстве случаев выступает представитель крупного капитала (за исключением романов «Молчание — золото» и «Площадь республики», где таковыми представляются политические демагоги).

Выделенные особенности чешской антиутопической литературы в дальнейшем нуждаются в подтверждении на более широком материале. Наша работа может послужить методологической базой и начальным этапом формирования корпуса текстов чешской литературной антиутопии и построения ее национальной жанровой модели. Совмещение двух подходов (филологического и философского) к изучению литературной антиутопии способно привести к уточнению предлагаемого ныне литературоведами жанрового инварианта антиутопии и способствовать ее более глубокой интерпретации. В теоретическом плане перспективы дальнейших исследований видятся в прослеживании корреляции между отдельными признаками антиутопического сознания и присутствием в литературном произведении соответствующих жанровых компонентов. Тем самым может быть прояснен механизм сопряжения антиутопического и художественного сознания.

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук:

1. Амелина А.В. Творчество Яна Вайсса и подходы к его изучению // Славянский альманах. 2013. Т. 2013. С. 352–364. 0,8 а.л. Импакт-фактор 0,322 (РИНЦ). EDN: PZUWWF.
2. Амелина А.В. Война в утопическом видении чешской межвоенной прозы // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 254–262. 0,6 а.л. Импакт-фактор 0,322 (РИНЦ). EDN: WXKLDP.
3. Амелина А.В. Утопичность в романе Марии Майеровой «Площадь республики» // Славяноведение. 2021. № 3. С. 57–63. 0,5 а.л. Импакт-фактор 0,231 (РИНЦ). EDN: ICOYRL.
4. Амелина А.В. Ян Гус в чешской межвоенной утопической литературе // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 88–100. 0,8 а.л. Импакт-фактор 0,136 (SJR). EDN: SSXDLF.
5. Амелина А.В. Теоретический аспект изучения литературной утопии и антиутопии (к проблеме идентификации жанров) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25. № 4. С. 77–91. 1,3 а.л. Импакт-фактор 0,2 (JIF). EDN: XMVJHX.

Другие публикации по теме диссертации:

6. Amelina A. Jan Weiss: zapomenut? // Česká literatura rozhraní a okraje: IV. kongres světové literárněvědné bohemistiky: Jiná česká literatura (?) / Ed. L. Jungmannová. Praha: Ústav pro českou literaturu AV ČR, v.v.i., v nakl. Filip Tomáš — Akropolis, 2010. S. 215–221. 0,4 а.л.
7. Амелина А.В. Утопия и антиутопия в современных отечественных и чешских исследованиях // С.В. Никольский и современная славистика / Отв. ред. И.А. Герчикова. М.: ИСл РАН, 2013. С. 271–284. 0,6 а.л.
8. Amelina A. Válka v utopických vizích první republiky // Paměť válek a konfliktů: V. kongres světové literárněvědné bohemistiky: Válka a konflikt v české literatuře / Eds. A. Kratochvil, J. Soukup. Praha: Ústav pro českou literaturu AV ČR, v.v.i., v nakl. Filip Tomáš — Akropolis, 2016. S. 223–230. 0,5 а.л.